

СТО БАЛЛОВ

Роман Михайлов

Роман Михайлов

100 баллов

«Автор»

2026

Михайлов Р.

100 баллов / Р. Михайлов — «Автор», 2026

Третий рассказ из цикла об адвокате Артёме Левине. Пёс по кличке Гай — случайный результат сбоя при генетической модификации — набирает по шкале когнитивного развития ровно сто баллов: нижнюю границу, которую закон считает человеческим уровнем разума. Когда единственный хозяин пса погибает, а закон требует «привести особь в соответствие», Гай сам приходит в приёмную адвоката — просить о праве остаться собой.

© Михайлов Р., 2026

© Автор, 2026

Роман Михайлов

100 баллов

фантастический рассказ

Артём Левин всё-таки омолодился. Немного — лет на двадцать.

Он держался дольше всех в своём поколении и почти гордился этим, как гордятся последним работающим механическим хронометром в мире, где время показывают стены. Но к семи-десяти двум годам гордость пришлось отложить. Сначала сдали глаза: буквы в делах поплыли, и приходилось увеличивать текст до размера плаката, отчего любой иск выглядел как ультиматум. Потом руки — мелкий тремор, из-за которого подпись стала похожа на кардиограмму. А потом случилось то, чего он боялся больше слепоты: он стал медленнее думать. Не намного. Но в зале суда, где он привык опережать оппонента на три хода, эта доля секунды была пропастью.

И Левин сдался. Лёг в клинику и вышел оттуда мужчиной лет пятидесяти — с ясными глазами, твёрдой рукой и прежней быстротой. Морщины он, из упрямства, попросил оставить частично: пусть будет видно, что человек пожил. Косметолог счёл это капризом гения и взял двойную плату.

— Предал я себя, Артём Сергеевич? — спросил он своё отражение в первое утро после процедуры.

Отражение, помолодевшее на двадцать лет, честно ответило:

— Нет. Ты просто захотел ещё немного поработать. Это не предательство. Это любовь к делу.

С тех пор прошло несколько лет. Мир, как всегда, ушёл вперёд, не оборачиваясь. И однажды в приёмную Левина вошёл клиент, после которого адвокат окончательно перестал понимать, где проходит граница между тем, кого закон считает человеком, и всеми остальными.

Клиент вошёл на четырёх лапах.

Его звали Гай. Это был пёс — крупный, песочно-рыжий, породы — восточно-европейская овчарка, с умными карими глазами, какие бывают у дворняг, в роду которых случайно затесался кто-то благородный. Он был из «говорящих».

К тому времени говорящие животные перестали быть диковиной. Лет за пять до этого компания «Логос Био» — та самая, что прежде делала медицинские сыворотки, — выпустила на рынок технологию направленного когнитивного развития. Проще говоря, путем генетического вмешательства изменила гортань и научилась поднимать интеллект щенков и котят до уровня, на котором те могли осмысленно произносить сотню-другую фраз и понимать ответ. «Мама, дай поесть». «Гулять, гулять, пойдём гулять». «Кто пришёл?». «Я скучал». Что-то на уровне четырёхлетнего ребёнка — и этого оказалось достаточно, чтобы свести мир с ума. Каждый хотел питомца, который встречает у двери словами, а не лаем. Очереди в клиники «Логоса» растягивались на месяцы. Котёнок, говорящий «доброе утро», стоил как поддержанный автомобиль, и его всё равно расхватывали.

Очень быстро государство спохватилось. Психологи, философы и церковь хором забеспокоились: где предел? Что будет, если интеллект животного поднять до человеческого? Появится ли у него душа, права, обязанность платить налоги? Закон опередил панику ненадолго, но опередил. Приняли федеральный закон «О когнитивной модификации животных». Установили шкалу — единую для всех видов, включая человека. Условный «индекс когнитивного развития», ИКР. Нижнюю границу человеческой нормы определили в сто баллов. А максимум для модифицированных животных законодательно ограничили пятьюдесятью. Ровно вдвое ниже человека. «Достаточно, чтобы радовать, недостаточно, чтобы спорить», — пошутил один депутат, и шутка вошла в учебники.

Гай должен был быть пятидесятибалльным. По документам «Логоса» он таким и был.

Но в его карте, как потом выяснит Левин, скрывалась строчка о «нештатном завершении сессии модификации»: в день процедуры в лаборатории случился сбой питания, протокол прервался на середине, оборудование перезагрузилось и — никем не замеченное — прогнало усиление второй раз. Брак. Двойная доза. Щенка по-тихому списали как «условно годного», продали с уценкой, и никто не потрудился проверить, что вышло.

А вышло сто баллов.

Гай был разумен ровно настолько же, насколько разумен человек. Он понимал это сам — и, как всякое разумное существо в опасном положении, молчал. Его хозяин, пожилой инженер по фамилии Тенишев, довольно скоро заметил, что пёс не просто говорит, а думает: задаёт вопросы о смерти, обижается на несправедливость, обыгрывает хозяина в шашки и плачет над грустными фильмами. Тенишев был человек одинокий и неглупый. Он понял, что владеет не питомцем, а личностью. И он молчал — из страха, что Гая заберут в лабораторию «исправлять ошибку». Они прожили вместе три года, человек и стобалльный пёс, как два друга, у которых есть общая тайна.

А потом Тенишев погиб.

Погиб он странно — так странно, что Левин, услышав историю, не сразу поверил.

Тенишев был инженером-высотником в «Орбитальной лестнице» — компании, тянувшей над городом сеть атмосферных лифтовых тросов, по которым грузы поднимались к низкоорбитальным платформам. Работа на головокружительной высоте давно стала безопасной: страховочные поля, дублирующие гравикомпенсаторы, искусственный интеллект, следящий за каждым движением монтажника. За двадцать лет на «Лестнице» не погиб никто.

Тенишев погиб первым. В тот день он работал на восьмисотметровой отметке, проверяя крепление троса. Гравикомпенсатор на его поясе внезапно дал не сбой, а наоборот — кратковременный всплеск мощности: вместо того чтобы плавно удерживать человека, прибор на долю секунды оттолкнул его от троса с силой, которой хватило, чтобы разорвать страховочное поле. Расследование потом установит, что причиной всплеска стал залётный пакет данных — обрывок чьей-то рекламной рассылки, по дикой случайности совпавший по сигнатуре с командой аварийного сброса. Один шанс на миллиарды. Реклама доставки пиццы убила человека, мягко оттолкнув его в небо.

Тенишева хоронили в закрытом гробу. Гай сидел у могилы и не издал ни звука — ни лая, ни слова. Соседи умилялись верности животного. Никто, кроме самого пса, не знал, что он молчит, потому что не имеет права говорить на похоронах своего единственного друга — иначе его заберут.

Наследников у Тенишева не было. Ни жены, ни детей, ни братьев. Была квартира, был счёт в банке, была мастерская с инструментами, которые старик любил. И был пёс — который по закону сам входил в наследственную массу. Имущество, подлежащее передаче. Статья сто тридцать семь Гражданского кодекса: животные приравнены к имуществу. Точка.

Гай это знал. Он три года читал — набирая голосовые команды компьютеру. Читать его научил Тенишев. Пес знал, что его, как диван и холодильник, отпишут государству, поскольку наследников нет. А государство, разбирая имущество, непременно отправит «говорящего пса» на экспертизу. А экспертиза покажет сто баллов. А сто баллов — это нарушение федерального закона, незаконная особь, подлежащая «приведению в соответствие». То есть обнулению. Откату назад, к пятидесяти. К смерти разума при живом теле.

У пса не было выбора. И однажды утром, прошмыгнув в приоткрытую дверь подъезда и пройдя через весь город по памяти, он явился в приёмную одного из лучших адвокатов страны — того, кто брался за невозможных клиентов.

Секретарь Левина, молодая и невозмутимая, увидев пса, потянувшись было вызвать службу отлова. Но пёс сел перед её столом и осторожно разжал зубы: на пол лёг небольшой холщо-

вый мешочек, который он, оказывается, всю дорогу нёс в пасти. Внутри что-то глухо звякнуло. Потом пёс поднял голову, посмотрел секретарю в глаза и сказал — тихо, отчётливо, без собачьего акцента, которым гордились владельцы пятидесятибалльных:

— Простите. Мне нужен адвокат. Я заплачу. У меня есть чем.

Он опустил нос к мешочку и легонько подтолкнул его через пол к столу. Из развязавшейся горловины выкатились золотые запонки покойного Тенишева.

Левин принял его. Конечно, принял — разве мог он не принять.

Пёс говорил два часа. Он рассказал всё, что знал сам: как однажды поймал себя на том, что понимает человеческую речь не хуже людей; как Тенишев, заметив, что питомец какой-то слишком уж смыслённый, сперва не поверил себе, а потом, отыскал в сети онлайн-тест на определение ИКР — того самого, где люди определили нижний уровень человеческого интеллекта. Гай решил этот тест - уровень был определён на отметке ровно в сто баллов. Так хозяин и пёс поняли, кем Гай стал. Он рассказал про три года тайны, про молчаливый уговор не выдавать секрет ни одной живой душе, про пиццу, что убила друга, про животный страх перед лабораторией, который он не мог объяснить, но чувствовал каждой шерстинкой. Говорил он логично, связно, с горькой иронией, которая не снилась ни одному пятидесятибалльному коту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.